

**5. ДОКЛАД СЛЕДСТВЕННОЙ КОМИССИИ
ПО ДЕЛУ ГРИММА,
СДЕЛАННЫЙ 28 АВГУСТА 1917 ГОДА
ПРАВЛЕНИЮ И ПРЕЗИДИУМУ ШВЕЙЦАРСКОЙ
СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ**

Избранная правлением Швейцарской социал-демократической партии следственная комиссия по делу Гримма выслушала товарища Гримма, рассмотрела протокол Стокгольмской следственной комиссии, ознакомилась с докладом товарища Гримма на имя члена правительства Адора и с другими документами. На основании всего этого материала она установила следующее:

А Товарищу Гримму было поручено 17 апреля 1917 года Центральным комитетом по возвращению на родину русских политических эмигрантов, проживающих в Швейцарии, поехать в Россию и там сделать устный доклад Временному правительству и Совету рабочих депутатов о положении русских эмигрантов и о мерах, которые надлежит принять для эвакуации их на родину. Он выехал из Берна 20 апреля и прибыл в Стокгольм 24-го. Перед своим отъездом Гримм хлопотал в русском посольстве о получении визы на паспорте; но там ему объяснили, что будет сделан запрос у Временного правительства, и ответ он сможет получить в русском посольстве в Стокгольме. В Стокгольме ему пришлось ожидать ответа до 18 мая. В этот день он получил разрешение на переезд через русскую границу. 22 мая тов. Гримм прибыл в Петроград. На покрытие расходов по поездке он получил от своих доверителей 1000 франков, кроме того, в виде аванса ему было выдано 500 франков из циммервальдской кассы. От Швейцарской социал-демократической партии Гримм не имел никакого поручения. Гримм письмом своим от 17 апреля на имя председателя партии поставил его в известность относительно цели своей

поездки в Россию, подчеркнув, что речь идет о поручении чисто личного характера *.

По категорическому заверению тов. Гримма, между ним и членом правительства Гофманом перед отъездом не состоялось никакого соглашения о посылке информации посредничества по ведению мирных переговоров и т. п. Он ограничился лишь тем, что однажды после краткой беседы, касающейся разрешения на провоз провизии в дорогу, обратился к министру Гофману с вопросом, сможет ли он обратиться за содействием к швейцарскому посольству в случае, если у него за границей возникнет какое-либо затруднение в пути или если ему понадобится какая-либо информация из Швейцарии. Министр Гофман сейчас же согласился, на этом и закончился краткий разговор.

Б 25 мая тов. Гримм обратился к швейцарскому посольству в Петрограде и попросил атташе посольства телеграфировать министру Гофману следующее:

«Потребность мира ощущается здесь всеми. Заключение мира становится крайне необходимым с точки зрения политической, хозяйственной и военной. Это осознано в руководящих кругах. Создает затруднения Франция, тормозит Англия. Сейчас ведутся переговоры и шансы благоприятны. В ближайшие дни предстоит новый, более сильный нажим в этом направлении. Единственное, что грозит сорвать переговоры, это возможность немецкого наступления на востоке. Если оно не произойдет, то возможна ликвидация в сравнительно короткое время.

Созванная Советом рабочих депутатов международная конференция является только одним из проявлений мирной политики нового правительства. Считают, что конференция эта состоится наверняка, поскольку правительства не будут чинить препятствий с паспортами. Все страны обещали прислать своих представителей. Уведомьте меня, если возможно, какие известные вам военные цели преследуют правительства, так как благодаря этому могут быть облегчены переговоры. Я останусь в Петрограде еще приблизительно десять дней».

* См с 69—70

Атташе не возражал и обещал доложить просьбу послу. Вслед за тем посольство переслало 26—27 мая в шифрованном виде запрос Гримма Гофману. 3 июня швейцарское посольство в Петрограде получило следующий шифрованный телеграфный ответ от Гофмана:

«Министр Гофман уполномочивает вас, Гримма, сделать следующее устное сообщение со стороны Германии не будет предпринято наступления до тех пор, пока имеются шансы на мирное соглашение с Россией. На основании многократных бесед с влиятельнейшими лицами, убежден, что Германия, как и Россия, стремится к почетному миру. В будущем имеется в виду установить тесные торговые, экономические связи и оказать финансовую поддержку для восстановления России. Обещается невмешательство во внутренние дела России, дружелюбное соглашение относительно Польши, Литвы, Курляндии с учетом их национальных особенностей, и возвращение занятых территорий в обмен на занятую Россией австрийскую территорию. Убежден, что Германия и ее союзницы готовы тотчас же приступить к мирным переговорам. Относительно целей войны — в отношении Германии могу сослаться на сообщение «Северогерманской всеобщей газеты» («Norddeutsche Allgemeine Zeitung»), где высказывается принципиальное согласие с Асквитом по вопросу об аннексиях и заявляется, что Германия не стремится ни к расширению своей территории, ни к дальнейшему политическому и экономическому усилению».

Это сообщение министра Гофмана было согласно инструкции устно передано посольством товарищу Гримму. Вскоре после этого русское Временное правительство, по-видимому, узнало об этой телеграмме Гофмана. Оно потребовало, через министров-социалистов Церетели и Скобелева, подробных объяснений от Гримма. Гримм заявил, что ему ничего не известно о телеграмме и скрыл как от обоих социалистических министров, так и от других поддерживавших с ним связь партийных товарищей, что телеграмма Гофмана является ответом на посланный им запрос. Он высказал предположение, что это — попытка со стороны немецкого правительства использовать его пребывание

в Петрограде в интересах немецкого империализма и в целях сепаратного мира После этого министры-социалисты потребовали от Гримма, чтобы он подтвердил свои слова письменным объяснением, которое бы содержало резкое разоблачение немецкого правительства и обвинение швейцарского правительства в готовности служить грязным орудием немецкого империализма Тогда Гримм дал следующее объяснение:

«1. Незадолго перед моим отъездом министры Церетели и М. И. Скобелев сообщили мне о том, будто швейцарский посол в Петрограде получил телеграмму из Берна, содержащую поручение — поставить меня в известность насчет некоторых германских планов о мире.

Я констатирую, что швейцарский посол ни прямо, ни косвенно не делал мне подобных сообщений

2 Содержание телеграммы должно рассматриваться как попытка Германии использовать мою деятельность в Петрограде, имеющую целью восстановить прерванные международные социалистические связи и содействовать всеобщему миру в интересах германского правительства, его дипломатических планов и сепаратного мира Эту попытку следует охарактеризовать как грубый маневр

3 Еще в Берне, визируя перед отъездом паспорт в немецком посольстве, я избегал разговоров на политические темы, точно так же я избегал во время проезда в Стокгольм какого-нибудь контакта с представителями немецкого социалистического большинства

4 Что касается роли швейцарского правительства в этом деле, то я смогу это выяснить только на месте.

5 Будучи социал-демократом, я никому не позволю использовать себя в качестве посредника между правительствами для проведения империалистических планов мира. Всякую попытку подобного рода я буду беспощадно разоблачать
Петроград, 31 мая (12 июня) 1917 г.

Р о б е р т Г р и м м».

Оба министра нашли это объяснение недостаточно категорическим, а потому неудовлетворительным. Они потребовали, чтобы Grimm покинул Россию. Он уехал из Петрограда 16 июня.

Перед отправлением своего запроса министру Гофману товарищ Grimm не поставил в известность о предпринимавшемся им шаге ни находившегося в тот момент в Петрограде члена Международной социалистической комиссии товарища Балабанову, ни кого-либо из партийных товарищей-циммервальдцев. Он действовал совершенно самостоятельно.

Заключение

1. Высказанное в отношении товарища Grimma подозрение, что он предпринял свой шаг в интересах немецкого империализма или что он даже является германским агентом, не было подтверждено ни в малейшей степени. Из содержания телеграммы, посланной Гофману, вытекает, что Grimm стремился ускорить всеобщий мир. Трехлетняя борьба, которую он вел против немецкого империализма, и поддержка, всегда оказываемая им немецкой оппозиции, говорят против подобного подозрения.

Стокгольмская следственная комиссия пришла к такому же заключению.

2. Возникает вопрос, какими же мотивами руководствовался Grimm. На основании показаний Grimma комиссия пришла к такому объяснению его поведения:

Как и многие другие, Grimm находился под впечатлением той мысли, что в случае продолжения войны завоеваниям революции угрожает опасность. Поэтому еще до посылки своей телеграммы он проводил в Совете рабочих и солдатских депутатов и на других собраниях ту мысль, что необходимо потребовать от Временного правительства, чтобы оно настояло перед союзниками на заключении немедленного и всеобщего перемирия, и что в случае отказа со стороны Временного правительства нужно потребовать выхода социалистических министров из состава правительства. Grimm заявляет, что еще до своего приезда в Петроград он задавал себе вопрос, который позже с разных сторон ему задавали в Петрограде: можно ли взять на себя ответственность и повести агитацию

за немедленное и общее прекращение военных действий, если налицо имеется опасность, что Россия может подвергнуться нападению со стороны центральных держав и революция будет раздавлена военной силой? Эта тревога за судьбу русской революции побудила его решиться выяснить вопрос, насколько имеются объективные основания для подобного рода опасений, чтобы в зависимости от положения дела выбрать ту или иную тактику в борьбе за мир. В этом смысле он формулировал свой запрос министерству иностранных дел в Берне и просил посольство переслать таковой. Он обратился к министру иностранных дел потому, что ему было известно, что этот последний, в силу своих частых ответов на запросы о мире в швейцарском парламенте, лучше всех осведомлен насчет намерений правительства и военных целей воюющих держав, а также и потому, что от официального органа нейтральной державы можно было рассчитывать получить наиболее объективные информации. В качестве гражданина демократического государства он считал себя вправе обратиться в министерство иностранных дел этого государства с таким запросом. Для обоснования своей просьбы сообщить о целях войны он предпослал своей телеграмме краткое изложение своих петербургских впечатлений.

Комиссия имеет тем меньше оснований игнорировать эти показания товарища Гримма, что и стокгольмская комиссия, лучше ее осведомленная, пришла к тому же заключению: «Главнейшим мотивом поведения Гримма следственная комиссия считает его заботу о судьбах русской революции, которой, по мнению Гримма, грозила опасность в случае дальнейшего продолжения войны и которую он хотел спасти при помощи переговоров о мире»

В силу сказанного необходимо констатировать, что мотивы, по которым Гримм совершил свои действия, безупречны.

3. Обращение Гримма к министру Гофману с тем, чтобы получить информацию о целях, преследуемых воюющими державами, следует признать необдуманым шагом с его стороны. Опубликованные правительствами, их министрами и их прессой цели войны были так же хорошо известны в Петрограде, как и в Берне. Поскольку товарищ Гримм дипломатическим путем пы-

тался получить более подробные сведения, он впадал в противоречие с циммервальдским движением

4 Но независимо от этого Гримм должен был самому себе сказать, что запрос его, адресованный министру Гофману, имеет важное значение, так как он, Гримм, имел намерение использовать ответ Гофмана для дальнейшей борьбы в защиту своей точки зрения. Его долг поэтому был посоветоваться с товарищем Балабановой и с другими товарищами, которых он впоследствии привлек на совещание для составления затребованного социалистическими министрами ответа, насколько допустим и не оппортунистичен такой шаг. Комиссия находит также, что тов. Гримм после предъявления копии телеграммы Гофмана не должен был дольше скрывать от своих партийных друзей истинное положение вещей

Гримм оправдывает свой образ действий тем, что он имел в виду помешать правительствам Антанты применить в связи с телеграммой Гофмана какие-либо репрессивные меры по отношению к Швейцарии. Комиссия, однако, находит, что, благодаря тому, что Гримм умолчал о посланной им телеграмме Гофману, международное положение Швейцарии скорее ухудшилось

5. Если, с одной стороны, поведение Гримма справедливо заслуживает порицания, то, с другой стороны, не следует упускать из виду, что он своими действиями преследовал только одну цель, — служить русской революции и делу мира

6. Нужно указать, кроме того, что тов. Гримм своей неустанной и бескорыстной деятельностью оказал партии столь ценные услуги, что кратковременные и случайные отклонения не должны иметь решающего значения

Принимая во внимание все эти соображения, комиссия пришла к заключению, что тов. Гримм может снова вернуться к своей партийной работе, сохранив все политические мандаты и ответственные должности, на которые он поставлен своими избирателями и социал-демократическими партиями

Грейлих, Клети, Ланг, Г. Мюллер, Нобс, Шнейдер

Товарищ Нэн вносит от имени меньшинства следующее предложение:

«Президиум Швейцарской социал-демократической партии порицает шаг Гримма, выразившийся в сношениях с министром Гофманом, так как он противоречит взглядам социалистов на дипломатию и так как Гримм этим самым подверг опасности мир и нарушил нейтралитет Швейцарии.

Он также порицает Гримма за недостаток искренности, проявленный им при даче объяснений по поводу его образа действий

Президиум партии не компетентен решить вопрос о мандатах Гримма. Этот вопрос должен быть решен теми избирателями, которые выставили его кандидатуру или которые захотят выставить ее в будущем.

Н э н».

Доклад следственной комиссии и внесенные предложения подробно обсуждались в президиуме партии на заседании 1 сентября 1917 года в Аарау. При голосовании за предложение большинства было подано 18 голосов, за предложение меньшинства — 15 голосов. Президиум партии высказался, таким образом, за предложение большинства комиссии